

Владимир Андерсон

БОРЬБА

Путь к власти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Андерсон
Борьба: Путь к
власти (книга вторая)
Серия «Борьба», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69765205

SelfPub; 2024

Аннотация

Вторая часть саги "Борьба". Гора получает под свой контроль весь сектор "Диза" и теперь является префектом. В его руках сконцентрирована вся власть принимать решения о судьбах людей. Он устанавливает стандарты для вознаграждения и наказания, а его решения не подлежат обсуждению. С властью главного героя возникает несметное количество возможностей и ресурсов для осуществления его замыслов. Он начинает собирать вокруг себя сторонников и союзников, увеличивая свою армию и влияние. Его возможности ограничены только его собственными устремлениями, и он стремится набраться сил перед тем, как нанести свой решающий удар.***Раскрыты сложные моральные дилеммы, которые возникают при обладании неограниченной властью, и показаны, какие последствия могут нести решения, принятые одним человеком за многих.

Содержание

Пролог	4
Префект	7
Живенко	14
Митрополит	31
Префект	40
Маша	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Андерсон

Борьба: Путь к власти (книга вторая)

Пролог

Уже вечер. Стемнело, и пора спать. Маше отвели просторную комнату: три окна, два больших дубовых шкафа у стены и кровать.

Пожелав «Спокойной ночи» девушку оставили одну. Ей стало настолько непонятно, что сейчас делать, что она даже немного испугалась: беспокоить этих добрых людей совесть не позволит, а что делать неизвестно.

Для начала, что такое кровать? Бабуля так старательно стелила всё это: простыня, пододеяльник, наволочки... Что это всё? Разве нельзя просто лечь и прикрыться одеялом? Подложить руку под голову и спать... Зачем на что-то залезать? Зачем подушка? Все на шахте привыкли к другому. Да и так ведь удобнее...

Хозяева уже легли. Время шло.

Маша никогда не снимала одежды перед сном, как и все на шахте, но сейчас другое дело. Всё это такое чистое, а её светлые джинсы наполовину в земле и уже совсем не свет-

лые, серая куртка мокрая, и пачкать всем этим то, что, очевидно, так долго мыла Мария Сергеевна, девушке вовсе не хотелось.

Аккуратно уложив свою одежду на комод, Маша легла на кровать и укрылась одеялом.

Приятно и легко.

«Эти люди правы. Так гораздо лучше спать», – подумала Маша.

Этот тусклый и смертный лунный свет. Он носился по всей комнате, и в каждом углу отражался чумом. Девушка снова вспомнила своего мужа. Перед её глазами вились гнусно-жёлтые картинки его мёртвого тела. Как он перестаёт дышать, и она остаётся одна, без него.

И с этим ничего не сделаешь!

«Господи. – Маша прикрыла глаза ладонями. – Как я могу жить без него? Почему ты забрал его, а меня оставил?... Я хочу к нему. Я не могу без него... Господи, почему ты забрал его?»

«Я всегда с тобой. – это говорил тот самый внутренний голос посередине груди. – Маш, я всегда с тобой».

И ни лунный свет, отражающий чумов во всех углах, ни эта высокая кровать с белыми простынями – ничего не могло подавить этот голос. Он говорил с Машей полминуты, или полчаса, или полночи, и ей всё казалось, что это вечность. Что это та самая вечность, что не может закончиться никогда. Ведь в эти моменты он рядом с ней, и он – часть её... Как

и тот сон, что собрав всю её усталость предыдущих дней, забрал её к себе до самого утра.

Префект

Со времени побега Марии из сектора «Диза» прошла неделя, затем ещё одна, потом месяц... Жизнь стала другой, другой для всех.

Кто на каком участке будет работать решает Гавриил Железнов. Сколько добывают в день решает Гавриил Железнов. Кого и как наказывать и награждать решает Гавриил Железнов.

От чумов идёт единственное указание – месячный план. Теперь во всей группе ничего не происходит без ведома Горы. Единственные два сектора, оставшиеся под контролем чумов: 2-й и 5-й (в пятом отдыхала охрана, ход к нему продвигался из коридора, соединяющего очистительную с погрузочной – на ночь именно эта территория перекрывалась).

Более того Горе обустроили отдельный кабинет у выхода из очистительной в 1-й сектор. Хотя он там и редко находился, важен был сам факт наличия помещения префекта группы, где, кстати, имелаась картотека с отчётами обо всех преимуществах и недостатках добычи различными инструментами в различных условиях: по правде говоря, все это и так знали наизусть и без всяких отчётов.

27-о апреля префект назначил своей бывшей соме сектор очистки. Его место к этому моменту занимал Костя Богатый.

Сразу после раздачи указаний Гора удалялся в свой каби-

нет за свой дубовый стол и стул. Это был специальный манёвр: все должны обдумать свою задачу и зайти за пояснениями, если они нужны, а если не нужны, то приступить к работе. Но делать всё быстро, иначе явится сам Гора со своим железным диктаторским голосом.

Усевшись на стуле, префект замер. Каждый день для него эти несколько минут ожиданий длились невероятно долго. Он даже подумывал о том, чтобы плюнуть на всю эту стратегию «большого начальника» и «непоколебимого тирана». Ждать с каждой секундой становилось всё тяжелее и тяжелее: ему повсюду мерещился погибший сын и то, как десятки железнодорожных составов, перевозящих тонны угля, проезжают именно там, где его похоронили. Эта постоянная дурная мысль о том, что можно было найти гораздо лучше место, чем то.

В этот раз в помещение зашёл Волин; его должность заместителя позволяла максимум возможного. И был он мрачнее тучи, и было от чего. Сколько он уже не видел своего ребёнка?

«Гави, ты мне объяснишь, что происходит?» – сказал он даже чересчур спокойно для своего состояния. Этот вопрос месяц вертелся на его языке и вот сорвался в таком виде.

«Присаживайся», – сейчас такой вариант ответа являлся единственно верным: начни что-либо говорить ему сразу, и он не выдержит.

Волин опустил на стул, уставившись на стенку слева. В

его лице не виднелось ни обиды, ни злобы: оно просто ругало себя уже пятую неделю подряд, от того и потеряло выражение – это болезненная усталость.

«Давай разберёмся по порядку...» – Гора почувствовал, что после этих слов должно произойти нечто резкое, но ничего подобного: тот просто тряхнул головой и угрюмо согласился.

– Маша должна была добраться до Раздольного. Так?

– Так

– Там её должны были ждать маки. Аж до 10-о апреля. Так?

– Ну так, так. Только ничего нет...

– Есть и ещё как... Группа, которая должна была её встретить, попала в засаду, не дойдя до места встречи 26 километров. В живых остались двое. Они повернули обратно. Следующую группу послали позднее, и прибыла она 8-о апреля.

Волин слушал всю эту историю и еле держал себя в руках: маки не смогли встретить его дочь, и он уже ненавидел их: «Гави, ты меня понимаешь... У меня кроме неё никого нет. А теперь нет и её... Ты же...»

– Я не договорил. Её не встретили, это так. И следов её не нашли нигде поблизости. Но. Ты понимаешь, что в другое время это никто бы не принял всерьёз, но один из маки видел девушку, высокую, с длинными светлыми волосами. Ты знаешь, что на воле таких совсем немного...

– Где?! Где её видели? – Волин вскочил так, что стул от-

летел назад, к двери как сдутый.

Гора улыбнулся, хоть и слегка деланно: «Всё в порядке. Всё хорошо... Тот повстанец не помнил точного места. Она стояла на другом берегу реки. Совсем недолго.»

– Где? Какой реки? Да не тяни ты!

– Кальмиус. Там, где и должна она была быть... Это было рядом с городком Новый Свет... Ты не волнуйся. Спроси у Тихомирова, он тебе всё расскажет. Кто, как не он должен знать такие вещи?

Лицо Волина закружилось в неизвестном направлении. На лбу выскочили складки, растягиваемые старыми морщинами. Эти морщины шли вот уже месяц и тут растрескались. Шахтёр стал опускаться вниз и, не найдя стул, сел прям на землю – ему стало не легче, и он не знал, что ему делать дальше. Все эти сообщения только добавляли ему тяжести на душе, и со временем он переставал ощущать и время и окружающую действительность.

В комнату без стука ворвался Николай Лесин: «Гавриил Владимирович, там трешак творится!» Его лицо наполнялось чем-то неестественным, тем, чего никогда не возникало раньше.

«Тебе надо отдохнуть. – Сказал Гора, встав из-за стола и подняв валявшийся у двери стул. – Просто посиди немного. Ничего не делай».

Выйдя из кабинета, префект сразу понял, в чём дело: двое шахтёров, прямо в его соме, дрались друг с другом.

Эту ситуацию понял префект, а вот до Гавриила Владимировича она дошла не сразу – в его разуме происходили неведомые до толе процессы размышления: «Двое шахтёров устроили драку... Они оба шахтёры. У них одна судьба. Плечом к плечу. И они дерутся. Драка – способ проявления неприязни, ненависти, может, попытка убийства, потеря самоконтроля... Ненависть. Убийство. Эмоции.»

Один шахтёр бьёт другого. Когда такое было?

За всем этим наблюдало почти две сотни человек, включая Богатого, и ни у кого не появлялось мысли что-нибудь сделать.

Никто просто в это поверить не мог.

Самый старых из всех, кто ещё жил под этой землёй, шахтёр Николай Павлович Красненко считал, что у него маразм. Он думал, что к его восьмидесяти двум годам, его уму пора двинуться. И этому ему представлялись веские доказательства... Чтобы он сам когда-нибудь даже подумал о том, что можно ударить своего товарища... Да никогда. Никогда даже мысли не возникало. Обидеться на кого-то – да. Поругаться – тоже да. Но не ударить. Чумы делают это за нас. А чтобы своего товарища... Никогда. Как это можно? Ведь плечом к плечу. Ведь друг без друга здесь не выживешь. Да мы же родные все здесь! Нет, такие вещи просто не укладываются в голове.

«Молодёжь? Да нет. Какая молодёжь? Мы так не делали, когда были в их возрасте», – думала Галина Борисовна. Ей

казалось всё это каким-то нелепым стечением обстоятельств того, что эти двое что-то недопоняли в отношениях между всеми на шахте, в том, что здесь одна отдельная личность ничего не представляет без всего остального коллектива. И не смотря на все эти оправдания их глупости, ей всё равно было их жалко.

Мысли всех шахтёров ходили вокруг да около этих двух слов: глупость и жалость.

Гора двинулся в сторону дерущихся. До них было метров пятнадцать, а, когда стало десять, они оба заметили подходящего. Тут же разнялись и застыли на своих местах.

Гора и не думал разбираться, в чём там дело – подошёл и треснул одному из них так, что тот отлетел головой назад на несколько метров и свалился на землю. Другой не шелохнулся, боясь навлечь на себя что-то похуже. Широкий размашистый удар снёс его в сторону. Оба теперь лежали на земле, почти не шевелясь и еле дыша.

В стороне стоял Кирилл Столов, даже не моргая. Когда-то он уже видел, как казнили Пинищева, и прекрасно знал, что и сам тогда мог оказаться на его месте. Того случая ему хватило на всю жизнь, и сейчас, ему хотелось, чтобы всё закончилось, и работа пошла дальше.

Гора заметил того, кто ему нужен, и рукой позвал его к себе. Это был Столов. Его глаза провалились в страхе и замерли в своей последней точке. Ноги медленно поволочились вперёд.

«На первый раз они будут жить, – сказал Гора тому, что больше всех его боялся. – но следующий раз будет последним». Его голос звучал достаточно тихо, и, кроме Столова, его никто не слышал, но как только он уйдёт, каждое его слово станет известно всем. И Столов расскажет всё это так, чтобы никто уже и не вздумал сделать что-то подобное.

Живенко

Город Кременчуг. Довольно-таки тепло, и снег почти растаял. Весна почти пришла.

Виктор Хмельницкий и его «Отряд 14» на некоторое время перебрались сюда.

Дом среди домов, такой же деревянный, как и все остальные. Внутри нетопленная печь и Миша Живенко за столом. И глаза его померкли, и голова его поникла, но руки не опустились.

Мысль его медленна и тревожна. Вот уже месяц винит он себя, что отпустил Сашу одного, что лошадь его подвернула ногу, что был ещё шанс всё изменить.

Лично ему написал письмо командир Никопольской группы. Он читал его столько раз, что успел выучить наизусть: «Мой друг! Я не могу писать официально, ведь это неофициальное письмо. Оно не содержит ни секретной информации, ни указаний к действиям. Оно нужно лишь для того, чтобы помочь нам в такое трудное время.

Уверен, что ты, как и я, не раз видел, как погибают наши товарищи, отдают свои жизни ради победы. И ты, и я потеряли много друзей и родных. И мы ничего не можем сделать с этим. Мы можем только терпеть и продолжать то, ради чего погибли они, и ради чего, возможно, придётся погибнуть и нам. Это наша судьба, и нам ничего не остаётся, кроме как

следовать ей.

Мы все так думаем и стремимся во что бы то ни стало сделать то, что мы должны. Но существуют такие моменты, которые толкают нас вперёд ещё сильнее, которые заставляют нас верить в победу. Это героизм.

Не раз я видел это на поле боя и вне его, и каждый случай я никогда не забуду.

То утро было необычайно красиво и солнечно. Древние считали, что прекрасные дни Земли должны быть прекрасными и для человека... Я стоял тогда на крыльце и чувствовал, что это и есть тот прекрасный день.

Из дозора возвращались двое, но вскоре я увидел и третьего с ними. Это был Саша. Сначала я подумал, что с ним всё в порядке. Он легко слез с коня и подошёл ко мне. Но тут я заметил, что его пальцы не двигаются, они синие и мёртвые. Я не знаю как, но он достал что-то ими из своей куртки. Это было письмо. А затем он свалился навзничь и больше не приходил в сознание. Я даже не успел услышать его последние слова. Тогда я хорошо запомнил его глаза... Я не сразу понял, что значит их выражение. Они были спокойные и довольные. Я никогда не видел у мёртвых такие глаза.

Только на следующий день мне стало понятно, почему он так смотрел на небо в последний раз. Ему больше ничего не было нужно, он хотел умереть.

Потом мы нашли его следы. По снежной степи. Я не могу описать, что я почувствовал тогда... Эти следы уходили в

бесконечность. Я не представляю, чего ему стоило пройти всё это.

Я не мог не написать тебе это письмо, я должен был хотя бы кому-то рассказать о мужестве нашего друга.

Царство ему Небесное!

Твой вечный друг, друг Саши Ручьёва».

После того случая прошло уже достаточно много времени. Миша получил звание капитана и с недавних пор держал под руководством трёх офицеров и взвод: Макса Рожкова, Гришу Листова и Костю Мецова.

Раздался лёгкий стук в дверь, и внутрь вошёл майор Серёга Болотников. Вид его вполне довольный, хоть и ни о чём не говорил, но всё же обнадёживал.

«А сегодня хороший денёк...», – бодро сказал он, гремя своими сапогами по скрипящему полу. Это типично советский офицер: опрятный, но не выраженный как на парад, с видимым соблюдением правила «В здоровом теле здоровый дух» и без ненужных форм показухи вроде широченного шага на метр в сторону.

«Да. – Ответил ему капитан, не поднимая головы. – Как раз такая, как тогда, когда погиб Саня».

– Знаешь, твоё неследование субординации когда-нибудь доведёт тебя до края. Мне-то ладно, но ты сам знаешь, какие бывают... У нас ведь не без этого...

«Ты прав», – сейчас Миша просто отмахнулся, не желая закручивать подобный бессмысленный разговор, имеющий

в перспективе лишь одно окончание.

– Да брось, я не за этим. У меня для тебя хорошие новости. Не спрашивай, почему так поздно, всё равно не скажу... Месяц назад Саню и тебя отправили с письмом. Ты ведь из-за этой истории всё с ума сходишь. Надеюсь, тебе станет легче. В этом письме был приказ заминировать дорогу Днепропетровск-Донецк у реки Волчья. Благодаря Сане они успели это сделать вовремя. Пять бур попало в засаду. Это больше двухсот чумов.

От этого, действительно, стало легче: «Двести чумов. Молодец Саня».

– В придачу ко всему река затопила тоннель. Когда они починили и починили ли вообще неизвестно, но досталось им по орехам это уж точно.

Оба постанца саркастически улыбнулись.

«Порядок, Миш. Мы идём правильной дорогой к победе. – вывел Болотников и сделал свой любимый приветственный знак – стукнул каблуками, звучно и пристойно. – Будь здоров, дружище».

Этот повстанец весьма воодушевил замаявшегося самого в себе человека, и он решил пройтись по лагерю.

Выйдя на улицу, Миша обнаружил, что вокруг полно народу. С чего это все повылезали как на праздник?

Пройдя мимо несколько домиков и поздоровавшись с десятком замечательных и не очень людей, он наткнулся на того, кого никогда бы не хотел видеть, и не подходил бы к нему,

но тому чего-то было надо, и она подошёл сам.

Капитан Раньеров. Это сущее трепло. Стоило какому-то делу зайти в разговор, и при его участии начинался пустой спор. Ну вот просто ни о чём. Неизвестно зачем, но он на каком-то генетическом уровне пытался доказать, что его точка зрения верна, а всё остальное ничего не стоит. Мало того, если никакого дела нигде не было, и его никто не звал, он вояплялся с совершенно бестолковыми вопросами и почти требовал на них ответов, особенно у низших чинов.

Не раз испытав это, Миша готовился открыть рот и послать его куда подальше.

«Ты не видел Костю?» – спросил Раньеров.

Довольно странный вопрос, и ответ на него получился отрицательный кивок головой с продолжением движения вперёд.

– Слышал про Волчью, да?

Может стоит дать ему шанс? Хоть в этот раз скажет что-нибудь хорошее.

«Слышал», – остановившись, ответил Миша.

– Нормально их, да?

– Угу. Наверно, ещё немного и всё...

– Что всё?

– И победим. – голос исходил чуть робко, но из самого сердца.

На это Раньеров усмехнулся: «Победим?! Ха! Да вы тут все фантазёры! Любите думать о своих подвигах. Это мак-

символизм...»

Говорить дальше не было ни сил, ни смысла – Миша отключил свой слух и двинулся дальше. Тот что-то продолжал выкрикивать, но это уже не имело значения: и так хватило. Где-то посередине защемило и заболело. Это боль обиды, она застревает где-то в желудке и давит в глубь. Непонятно, где эта глубь, и куда там можно давить, но это становится всё сильнее и сильнее, и не собирается проходить.

«Зачем я снова заговорил с этим человек. Ну каждый раз одно и то же. И каждый раз всё тяжелее. Мы говорит, «Фантазёры». Мы мечтаем? «Максимализм». Эта дурацкая психоаналитика; навывдумывали слов, чтобы объяснять неизвестно что и неизвестно зачем, а теперь вот этим пользуются всякие... Мы тут из кожи вон лезем, а они ноги об нас вытирают. Нашли бы место, где ещё чисто, а то ж ведь целиком запачкали... Неужели у таких, как он, никто не погиб на войне, неужели ему не хочется продолжить и довести до конца то, за что головы сложили целые поколения? Неужели больше нравится других сбивать с толку, вместо того, чтобы делать то, что жизнь обязывает делать. Мы ведь все здесь только это и делаем – учимся. Любить, воевать, преодолевать... ну вот для нас выпало воевать, ну и что мы не справимся что ли? Да мы обязаны справиться. Мы должны победить!» – это волнами ходило в его мозгу, и несмотря на все убеждения боль не стихала.

На лавочке возле своего крыльца сидел Гриша, один из

подчинённых, и ел хлеб. Почерствевший и засохший, но всё же настоящий хлеб.

Увидев командира, он вскочил и по-воински приветствовал по фуражке: «Здравия желаю, товарищ капитан».

«Да садись уже, чё там», – Миша не любил всех этих почестей, хоть и прекрасно понимал, как важны все эти формально. Но особенно он ненавидел строевую подготовку. Когда дело касалось элементарных приёмов строевого шага, вопросов целесообразности их отработки у него не возникало, но он как-то читал, что древние отдавали этому некое щепетильное значение: создавали специальные подразделения, занимавшиеся только этим, устраивали особые представления. Ну что это за глупость? Это же армия. Пусть учатся стрелять и прятаться. А ещё лежать недвижно, смотря во все глаза. Это спасёт жизнь... Не будут же они врагов побеждать своими выкрутасами с доисторическими винтовками.

«Гриш, скажи мне, что мы здесь делаем?» – спросил Миша, сев рядом на ступеньки.

Тот, очевидно, подумал, что его проверяют на предмет пригодности в идеологическом плане, и ответил в соответствии с этим: «Мы сражаемся за свободу, своё культурное наследие, и мы...»

– Да брось ты эту пропаганду. Мы 14-й отряд, а не КПМ (Комитет Пропаганды Маки; в его задачу входило агитировать работающих на чумов людей, в том числе призывая к восстанию). Ты мне скажи, что *ты* думаешь».

«Я?... Извините, я не знаю, товарищ капитан. – во время данного ответа Миша изобразил такую физиономию, что можно было подумать, что он разговаривал с совершенно далёким от всего происходящего человеком. – Честно, я убежал с завода, потому что боялся, что в следующий раз не выдержу, когда чумы начнут подкидывать объём выплавки, и закричу. Мы ведь редко выполняли норму. Ещё пару ударов я бы не выдержал».

Продолжать откровения было опасно для такого, как он – чуть ли ни все его жесты показывали, что ему стыдно за что-то, что он хотел бы рассказать, но не может. Миша прервал, потому что видел это не в первый раз. Он знал, что так хочет раскрыть его подчинённый, и то, что лучше будет, если он сделает это без принуждения.

Повстанец снова побрёл по лагерю, не переставая прокручивать в голове сказанное ему Раньеровым – словно это никогда не вылезет наружу и не забудется.

Навстречу ему попала Наталья Кошкина, старший лейтенант из санотделения. Лет ей было всего двадцать пять, но в людях она разбиралась что называется «будь здоров». Одного взгляда ей хватило, чтобы понять, что здесь нужна помощь: «Миш, ты чего такой хмурый?»

Когда она говорила подобные фразы, прибавляя своё изумительное выражение лица, настроение поднималось само собой. В группе её далеко не все любили, но она не держала ни на кого зла, а в нужный момент всегда пыталась поддер-

жать. Ей вообще казалось чуждым не помогать по причине несложившихся отношений. «Даже, если бы сейчас и не было войны, – говорила она тем, кто не совсем понимал её. – мы бы всё равно друг без друга не выжили бы. Мы здесь для того, чтобы помогать другим».

Хоть Мише целиком и не нравилась её позиция – «В самом деле, как вот можно помогать, например Раньерову?». Он уважал её и никогда даже не мог позволить себе спорить с ней.

– Да так, ерунда...

– Небось, не обедал, да?

– Да нет, не обедал...

– Тогда я...

– Не-не, Наташ, не надо. Тебе и самой нечего есть.

– Ну мне что, тебя уговаривать? – искренне и немного обидчиво спросила она.

– Наташ, я правда не хочу – Миша ничего не ел почти сутки, но «отбирать» еду у кого бы то ни было, а тем более у неё, было бы преступлением.

– Перестань. Я знаю, ты ничего не ел.

– Ой, да ладно. Ничего страшного...

– Вот ты не ел, а у меня целая кастрюля супа пропадает.

Пойдём!

– Да я...

После этого ей надоело спорить и убеждать этого альтруиста, и она, взяв, его за руку, потащила к себе в дом.

Маки меняли место дислокации минимум раз в неделю, и она время пребывания в каком бы то ни было районе редко кто обустроивал своё жильё. Это ни коей мере не относилось к Кошкиной.

Зайдя в её домик Миша не понял, что происходит: всё так ухожено и уютно. И самое интересное, что нельзя сказать из-за чего так. Может из-за полотенца с изображением тигра, повешенного на стене, может, из-за скатерти с розочками и здоровенными, величиной с кулак, божьими коровками на столе, а, может, и всего лишь тряпки для обуви у входа. Множество этих чудесных мелочей нельзя назвать роскошью ни с какой стороны – это, скорее, человечность души, вот и всё.

Наташа прошла к глиняной плитке, находящейся в дальнем углу комнаты. Её движения поразительно притягивали к себе глаза. Она ступала мягко и вместе с тем очень уверенно. И казалось, что всё вокруг словно начинает оживать.

Военная форма её ничуть не портила: чёрные сапоги на всю голень, тёмные колготки, видные только в коленях, а дальше зелёная юбка и такой же китель. Чёрные волосы сзади в тонкой косичке.

Видя всё красоту вокруг себя, Миша стоял только и до бесконечности чистил обувь, не отходя ни на шаг от двери.

Обернувшись хозяйка улыбнулась: «Ну что там застрял?»

– Да я ведь это...

– Да проходи ты уже.

И было ради чего: ко всему прочему суп оказался непо-

мерно вкусным. Щи, с капустой, картошкой и всем остальным. Прямо настоящие. Как когда-то делали.

Наташа сидела рядом и чего-то ждала. Может, комплимент. Может, чего-то большего. Она словно не показывала это, но было видно, что ей это нужно. Тепло человека, который рядом. Именно его ей хотелось сейчас больше всего.

И обязательно надо было прежде всего прибавить тепла её сердцу. И тут он обратил внимание, что ест он не из обычной тарелки, не из алюминиевой, как у всех, а из деревянной расписанной красной росписью, словно откуда ни возьмись воскресли старославянские традиции.

– Наташ, я что-то не сразу заметил... Это настолько красивые тарелки.

Её рот расплылся в улыбке, правда, стало очевидно, что ожидала она вовсе не этого: «Правда? Тебе нравится? Это хохлома».

«Очень красиво. А ты что, с собой это носишь?» – Миша в тот же момент понял, что задал катастрофически дурацкий и неуместный вопрос: во время переходов маки разрешалось брать только необходимое, но это всего лишь указание – сможешь, бери, сколько хочешь, только не вздумай отстать; это превращалось в упрёк.

«Да нет, я здесь нашла», – Наташа настолько дружелюбно отреагировала на вопрос, что напряжением спало само собой. Теперь ему не придётся чувствовать себя чёрствым цензором.

Миша решил целиком сгладить свою несдержанность: «А зря, что не носишь. Чудесные тарелки». Стоило произнести это вслух, как он понял, что сказал вообще какой-то бред. И ему настолько стал непонятен ход собственной мысли, что он даже покраснел.

Похоже это ей понравилось. Она так игриво отвернула глазки, развернула голову чуть к боку и слегка приоткрыла рот: «А больше ты ничего не заметил?» Она так и хотела добавить «Как я на тебя смотрю», но женщина всегда ждёт, что такое не придётся говорить самой, что такое должен заметить мужчина сам.

До Миши не дошло: «Похоже, что нет...»

– Миш, а что ты будешь делать, когда закончится война?

Присутствие войны никак не отражалось на взаимоотношениях между сильной и красивой половинами человечества: так же любили, женились, растили детей... Наташа была весьма красивой девушкой, и многие пытались за ней ухаживать, но серьёзных отношений не получалось, потому что она хотела прежде всего понимания со стороны мужчины, и даже как-то верила в судьбу. Она присматривалась ко всем и понимала, что ещё не нашла именно того. Время не стояло на месте, в её возрасте многие уже рожали и давно растили уже даже не первого ребёнка, а она всё в девках.

И весь смысл заключался в том, что она сама не понимала, что вообще хочет. С одной стороны она, понятное дело, не хотела с кем попало, но с другой – и не знала сама для

себя, а что вообще для неё значит «не кто попало». С чем вообще ей сравнивать? У неё же никого толком не было, так чтобы серьёзно. Ну было несколько парней, с которыми она переспала, не получив толком никакой особенной радости, но а дальше-то что? Вот это самое «дальше» было ей совсем непонятно. Вроде у всех парней в голове «одно», но должен же быть такой, который её поймёт. Хотя при этом опять надо понимать, что «все мужики сволочи»... Но это же тоже глупость: не все они сволочи... То есть, ну должен же быть тот единственный, который... который... который что? Вот здесь этот самый дурацкий круг снова замыкался: парень-то её идеальный должен быть каким? Ведь для того, чтобы понять, каким он должен быть, ей надо быть с ним ближе. А как быть ближе, если не уверена?... Над всем этим она ломала голову уже столько лет, как только у неё начались месячные. А во время самих месячных она вообще не понимала, что с ней такое происходит. В этот период одновременно возрастали её желания и вместе с тем непонимания. Вроде чего-то хочется и очень сильно хочется, а чего именно непонятно. Это такое сильное ощущение, что ей казалось иногда, что ей вообще никто не нужен. Но как раз в тот момент, как она начинала думать таким образом, её желанием снова резко менялось, и она снова хотела найти своего единственного. И всё это постоянное кидание в крайности привело её к тому, что она стала считать, что это вообще никогда не закончится. И если бы на этом можно было поставить точку,

то этом было бы ещё полбеды, потому что, когда она видела Мишу, её голова начинала думать совсем по-другому. Он ей нравился, но она сама не знала, чего с этим делать дальше. Вроде она хотела быть с ним, но, возможно, это продлится всего пару месяцев, а потом закончится. И расставаний она прям боялась. Боялась как огня. И потому и не хотела ничего начинать. Вот и ходила она вечно вокруг да около, пытаясь дождаться чего-то от него, сама не понимая, что это должно быть. И вместе с тем, когда она начинала о нём думать, ей периодически, то хотелось увидеть в нём что-то «сволочное», то хотелось принять что-то уникальное и любимое.

Всё это обдумывание прокатывалось у неё в голове сотни, если не тысячи раз. В итоге она хотела снова его увидеть, чтоб опять дождаться от него чего-то того, что сама не знала. Но она точно знала, что при этом он должен просто с ума от неё сходить. Она сама не понимала, что неё это за отношение к любимому человеку, когда его надо буквально «захватить», но без этого она просто не могла. И она прекрасно понимала, что это какое-то издевательство над ним, когда и она с ним хочет быть, и она с ней хочет быть, и они оба знают об этом, но она себя ведёт так, как будто не совсем его понимает, как будто не понимает, что на самом деле между ними, а он при этом делает вил, что так и надо. Чуть ли ни амазонский подход: «Я тебя люблю, но помучаю», и при этом снова непонятно зачем. С одной стороны ей хотелось как бы «проверить»: если он будет это терпеть, то значит любит; а с

другой стороны – а сколько он должен терпеть, чтоб это действительно считалось той самой проверкой, ведь всегда кажется, что «этого мало» и «надо посмотреть ещё». Но и этого было недостаточно для её размышлений, потому что, когда она снова начинала думать о тм, что «как бы вообще» хочет, то снова ещё больше понимала, чего хочет, и тогда снова начинала думать о Мише, и о том, что любит его на самом деле. Вообще слово «люблю» она стремилась не использовать в своих мыслях, ей казалось, что это будет неправильное выражение её состояния, но тем не менее оно иногда проскальзывало, и именно тогда, когда она думала о нём. И с одной стороны ей очень нравилось, что оно проскальзывает, ей даже становилось легче, но с другой... с другой... её снова начинало тянуть в эту бестолковую «другую» сторону... но чем дальше, тем слово «люблю» звучало всё чаще, и она стала понимать, что в один прекрасный момент она сама себе скажет ответ на вопрос «С ним?» слово «Да».

С Мишей ситуация обстояла схожим образом. Он в последнее время и сам знал, чего хочет. У него было достаточно девушек, и каждая его не понимала, не хотела его понять, и не могла это сделать. Это до бешенства выводило его, оттого и все расставания.

Так что в данный момент его наибольшим желанием было действовать поосторожнее, хотя бы, чтобы не доводить дело до скандала.

Наташу задеть и вовсе не хотелось, но отвечать на этот

вопрос язык не поворачивался: победа не за горами, а за целым океаном.

«Ну, не знаю. – здесь выдумывать не пришлось. – Ушёл бы в запой. Уехал бы в отпуск... Женился что ли...»

– Это всё у тебя всё взаимосвязано? Прямо по очереди идёт? Или надо что-то одно выбрать?

Если раньше в образном выражении Миша стоял в болоте по щиколотку, то теперь по самые плечи: сейчас, что отвечать. В запой уйти ещё как захочется после всего этого. Да и сейчас не против такого – было бы чем.

– Блин, Наташ, ну откуда я знаю! С чего ты взяла, что я вообще доживу?

– Да я так. Просто спросила... В запой, так в запой...

По комнате как улитка проползла секунда молчания.

– Извини, Наташ, я не хотел...

– Да ничего... Я просто спросила...

– Я... Прости, Наташ... Правда, прости. – Миша начал думать, что пора бы уже основательно извиняться, потому что, по крайней мере, пока он это делает, он хот бы отсрочит ту неловкость, которая за последнюю минуту основательно засела в его горле и стала придавать хриплость всем словам, кроме тех, что о чём-то просят.

И Наташа это хорошо заметила. Теперь она видела, что этого парня она добила почти окончательно и что, если и чуть дальше дело пойдёт так же, то он на неё просто забудет – уж слишком тяжело ему давались «такие» игры. Теперь уж

пора передвинуть отношения на другой уровень.

На столе между ними стояла опустевшая от щей тарелка – хороший незаметный повод «подкрасться» к милому незаметно. Со словами «я уберу тарелку» Наташа встала из-за стола, обошла его со стороны и, протянув руку к тарелке, остановилась, а затем медленно двинулась губами к его губам. Вообще есть какая-то разница между теми действиями, что делаешь «просто для чего-то» и тем, что делаешь, потому что «тянет их делать» или, может, «плохо ждать, пока их не сделаешь». Такие действия как-то по-другому делаются: и мозг как-то вроде не совсем контролирует их, и в глазах меняются краски, и даже воздух становится другим. Всё это было сейчас с Наташей, когда её губы двигались к его губам, и ей казалось, что кроме губ она вообще больше ничего не чувствует.

Митрополит

Треугольная тёмная комната. Треугольный тёмный стол. На каждой из трёх стен узор Чёрного Камня. Вокруг темно и дышать нечем.

С каждой стороны стола по две тёмных фигуры – всего шесть. На каждом чёрная мантия с капюшоном и белым клыком на спине. Это религиозный совет Империи – Священный Сейм.

Религия чумов на священную книгу «Жах». По своей сути она ничем не отличалась от философии концепции человечества «Осевого времени». Но ряд поколений святой церкви переписывал её, внося изменения в свою пользу и для укрепления духовной власти. Раньше, ещё до появления «Жах», в чумном государстве было принято многобожие, и церкви, как самостоятельно организации, не существовало. Все обряды и ритуалы совершали жрецы храмов никак не связанные друг с другом.

После появления «Жах» появилась и церковь: все храмы объединили под одним началом. С тех пор духовная власть во много раз увеличила своё давление на общественную жизнь и государственные дела. Сколь-нибудь существенный вопрос мог быть решён исключительно при содействии верховного жреца и Священного Сейма.

В двенадцать лет назад Священный Сейм утвердил по-

становление верховного жреца-патриарха «Силан-Жах». В нём диктовались непогрешимая власть главы чумной церкви (Невроха, верховного жреца), его исключительная правота как наследника учения «Жах», а также единственного толкователя воли Чёрного Камня.

Это означало повышение влияния на все события, касающиеся и не касающиеся церкви по уничтожению ведьм и колдунов и противодействию ереси. Данная ветвь имела широкие полномочия в судопроизводстве, проводимом жрецами средней руки. После «Силан-Жах» Светский Сейм перестал быть светским, а активная ветвь Инквизиции получила новый глоток воздуха, обретя право проводить расследования по делам ереси и колдовства, отстраняя при этом государственный аппарат. В этом состоял новый принцип закона Великого Инквизитора Торкведоха.

Суду подлежали:

Виновные в ложных понятиях о святой церкви

Виновные в занятии чародейством и гаданием

Всякий отлученный и не искавший примирения

Укрыватели и заступники еретиков

Сопротивлявшиеся постановлениям Инквизиции

Адвокаты, нотариусы и юристы, защищавшие еретиков

Всякий, отказавшийся от присяги, которую требовала Ин-

квизиция

Всякий, умерший в открытом и предполагаемом еретичестве

Всякий, прикосновенный к ереси словом, делом или сочинением.

Какие зверства они вытворяли, чтобы выскрести «правду», какие-то совершенно изощрённые стальные крюки и когти, проволоки, штыки – всего порядка 60 предметов. И поскольку каждый обвиняемый относился к какой-либо из 6 категорий к нему могли быть применимы только вещи разряда его категории.

При том каждая вещь или способ могли быть использованы только в течение 6 минут – хотя эту статью часто не обращали внимание, объясняя это тем, что что-то было применено неверно или не до конца. Среди палачей даже было негласное соревнование по мастерству владения различными инструментами и способности именно определённым предметом заставить «виновного» согласиться.

Кстати, именно на согласии и держалась по сути вся эта система. Ведь Церкви вовсе не нужно было кого-то убить, сделав тем самым из него, хоть и еретика, но мученика. Им важно было совсем наоборот, чтоб он жил. Разумеется, сначала признав свою вину и раскаявшись, но жил. Потому что эта жизнь потом была лишним свидетельством не только правоты Церкви, но и её вечности в жизни чумов.

Иерархическая система деления всей организации Церкви по системе 360-и градусов – по 60 на каждого жреца-митрополита. Здесь каждый старался преуспеть, но, как правило, наихудшие результаты получались у первого и шесто-

го. Их область включала в себя проверку на ересь среди служащих государственного аппарата. В чём заключалось «неудобство» положений: светская власть, армия и СЧК заботились о своих сотрудниках. На «колдовстве» там почти никого не ловили, а при ереси можно было отказаться от своих слов, ещё не доводя до пыток и в частых случаях, при посредничестве большого начальства не слишком сильно пострадать.

Сегодня на обсуждение поставили вопрос о качестве работы жрецов низшего ранга на территориях повышенной и критической опасностях.

Тему совещания огласил Угинох, отвечающий за сектор 180 (сектор «тяжкого труда», как его называли все, стоящие за спинами у жрецов и видящие цену Инквизиции; под его надзором все, чьё состояние оценивалось ниже нормы, а это больше двух третей всей Империи): «Верховный жрец-патриарх Неврох, прямой наследник Великого Инквизитора Торкведоха выразил свою обеспокоенность в делах Церкви на завоёванных территориях. Церковь ослабла в тех районах, и нет никаких признаков возможного роста её значения. Верховный жрец Неврох просит принять меры».

Большинство жрецов верило в необходимость существования Святой Инквизиции и считало её основной опорой обоснованного главенства Церкви. Постановка вопроса со стороны угрозы ослабления влияния давила на честолюбие не меньше, чем на принципы.

На самих завоёванных территориях находились в основном государственные служащие, так что в этом случае наибольшая нагрузка ложилась на Инквизицию госаппарата Широха (60-й градус) и Самоха (360-й градус).

«Я пытался отправить в Индийскую колонию шестерых инквизиторов. – заявил жрец-митрополит Катох (300-й градус). – Но броз разрешил только двоих. Как я могу уничтожать ересь, когда мне мешают даже местные власти?»

«Наша фаза работает на полную мощность, но большинство подозреваемых имеет связи на верху. Их берут под защиту, и мы не можем вершить над ними суд», – Широху нечего было больше сказать. Он знал, что в скором времени его заменит другой.

Тут началась словесная атака на всё, что только происходит и всех, кто только присутствует.

– Нам мешает СЧК. Мы требуем введения специального расследования. Проверки должны проводиться с большой интенсивностью и размахом.

– Я считаю, что уровень коррупции в их рядах достиг опасного уровня. Нам нужно действовать скрытно.

– Предлагаю использовать негласный ресурс.

– Поддерживаю.

– Я тоже.

– Поддерживаю.

– Использовать негласный ресурс – самое время.

– Итак, я передам Верховному жрецу предложение об ис-

пользовании негласного ресурса. — подытожил Угинох. — А Вам, жрец-митрополит Широх, я рекомендую лично выехать в беспокойные территории и проследить за ходом процесса Инквизиции. Уж Вам-то ни один местный чиновник не сможет отказать в визите.

Широх попытался понимающе кивнуть и даже что-то сказать в заключение, но на это у него не хватило сил. Единственное о чём он сейчас думал, так это над тем, что поможет сохранить ему своё место.

***

Широкий серый камень. Пыль и тусклый свет вокруг. И повороты, которые не кончаются.

Это путь к камерам Инквизиции, где ждут своего времени подозреваемые, осужденные и все, кто хоть как-то оказался связан с нарушением правил «Силан-Жах».

Томные бессмысленные шаги и такое же лицо. Это жрец-митрополит Гузох (120-й градус) из Священного Сейма. В его фазе Инквизиция занималась средним звеном Империи — рабочими в основном. Как ни странно, но еретиков и колдунов среди них в процентном соотношении было меньше всех. Это следствие выходило прежде всего из того, что особенности их труда не позволяли проводить «неделю покаяния».

«Неделя покаяния» — это срок, объявляемый после приезда инквизитора, на добровольное признание в ереси. Во время неё также приходили и доносчики, указывая на кон-

кретного чума. У доносчика имелось два варианта: покаяние и обвинение. Чаще выбирали первый, потому что в случае оправдания чума (а такое могло быть, если у него есть связи, в том числе и с церковью, например, если он сам ранее удачно доносил), расследования подвергался сам доносчик.

Гузох приблизился к камерам и мог теперь услышать стоны, издаваемые оттуда. Большое количество поворотов нужно было именно по этой причине – заглушить звук.

У входа стоял внушительного, даже для чума, вида охранник в чёрной мантии. В его глазах отсутствовало всё, что только можно назвать эмоцией, а уши совсем уже не различали болезненные вопли и звуки шагов – для него всё едино и отличается лишь громкостью. Он поклонился медленно и сухо.

За ним шли два ряда камер, где сидели долго и тяжело перед тем, что им предстояло пройти. А после этого располагалась сама камера пыток.

На вошедшего в то помещение никто не посмотрел – все трое: инквизитор, подозреваемый и нотариус жили в «своих» мирах.

Инквизитор, староватый чум Катанхр, не мог находиться в этом помещении уже давно. Эта едкая вонь вокруг, одни и те же вопросы, на которые не многие отвечали вообще и ещё меньше отвечали положительно. Но, хоть он и мечтал быть инквизитором «недели покаяния», эта работа казалась ему не менее важной.

Подозреваемый Тишинхр, рабочий оружейного завода, понимал, что чтобы он ни делал, жизнь, которая была у него до доноса, уже никогда не будет прежней. Ему было непонятно, почему чумам, таким же как он, позволено говорит, где правда, а где нет, почему они называют себя «святыми» и, почему надо с ними соглашаться. Он верил в «Жах», молился каждый день, прося сил у Чёрного Камня, и считал, что дело веры – это дело самого чума. Тишинхр знал. Что, если сознается, его оставят живым, но он не мог это сделать: его поймают во второй раз и результат будет таким же.

Нотариус Юнинхр, давно окончивший юридическую школу, целиком и полностью видел все расстановки. Если подозреваемый сознается, то самое малое, что ему грозит, это публичный позор с последующим «прощением». Так называемое в среде церковной бюрократии «прощение» заключалось в том, что в указанные дни, а таковых обычно насчитывалось около сотни в год, в течение от трёх до семи лет от чума требовалось посещать церковь и участвовать в особых процессиях, ища примирения с духовной властью.

А если не сознается, то его продолжат пытать и завтра сожгут на костре.

Подозреваемого на метр подняли вверх, затем отпустили и поймали у самой земли. Верёвки, привязанные к его лапам, впились в кожу. Внутри всё перепрыгнуло. Сознание помутнело. И начало немного тошнить.

Гузох посмотрел вокруг: чернота и пустота, едкий запах

злобы и страха, два факела, освещающие камеру так, что только несколько бликов отражались в глазах.

«И это мы, Инквизиция, – подумал Гузох. – Нас разве что только дьявол не боится...»

Префект

На шахте многое изменилось, в том числе и способ приёма пищи. За месяц построили столовую на 50 мест. Она действовала ещё только три дня, и не все успели привыкнуть; стол, скамейка, особое помещение – всё это выглядело не столько странно, сколько сомнительно.

Некрасова присела на своё обычное место, посередине зала у стенки, и уткнулась в тарелку, где в желтоватом бульоне плавали макароны и немного курицы.

К ней подсела Лена Багратионова. Она тоже было не в духе, но увидев, такую комбинацию напряжения мышц на лице Насти, подумала, что у него-то дела ещё хуже.

«Насть, что с тобой?» – Лена умела в нужные моменты правильно вести себя и подавать совершенно обычные вопросы подходящим тоном. Сейчас ей глупо было быть такой кислой как на самом деле.

«Да нет, ничего» – Настя слегка отвернулась, а заодно с этим растеряла все свои грустные мысли, осталось только настроение.

– Ну я же вижу. На тебе лица нет.

– Знаешь, на тебе тоже...

После этих слов Лена внутренне собралась окончательно и вывела этот результат на лицо – получилось очень даже неплохо.

– Не совсем так.

Настя посмотрела на неё, желая это проверить: живые глаза, добавляемые веснушками, рыжие волосы, завязанные в косичке – и правда, лицо есть.

– Ну хорошо. На тебе есть...

– Ну вот видишь!

– Да что я вижу?

– Что всё не так плохо, как кажется.

– Да. Всё ещё хуже.

– Да перестань ты в самом деле! Как будто от того, что ты будешь себя чем-то казнить, станет кому-то лучше.

Настя отвернулась: «Это я виновата».

– В чём?

– Они подрались из-за меня.

– Я знаю.

– Знаешь?

– Да. А что тут такого? Они подрались из-за тебя, но ты-то что могла сделать?

– Не знаю. Но раз они меня...

– Насть, то что они тебя любят оба, ещё не значит, что они тебя будут слушать...

– А вдруг?

– Ну какие тут могут быть «вдруг»? Разве ты им не говорила что...

– Говорила... Но они мне ведь правда не нравятся... Оба.

– Ну вот. Что ты им ещё сказала?

– Что... что бы они ни делали я не смогу полюбить ни одного из них. Я им это сказала каждому по отдельности.

– Ну так в чём ты себя винишь?

– Я не знаю...

Она и правда не знала, за что здесь можно себя винить. И Лена не знала, но чувствовала, что если бы сама оказалась, на её месте, то винила бы себя также. Это часть жизни. А в жизни далеко не всё поддаётся логике.

В дальнем углу сидел префект со своим заместителем. Оба надеялись на хорошее, но в данный момент могли только ждать, готовясь к плохому.

К их столу подошёл Костя Богатый, обеспокоенные и тревожный: «Гави, я...»

«Присаживайся», – прервал его Гора, не поднимая глаз.

Костя сел и сжал руки под столом: «Гави, я не знаю, как сказать. Это невозможно! Представить не могу из-за чего это... Я знал, что у них не всё в порядке в отношениях, но чтоб до такой степени...»

– Выходит, до такой.

– Гави, я не знаю...

– Ты так волнуешься из-за того, что сказал Столов?

– Да, Гави. Честно сказать, да.

– И не напрасно волнуешься.

«Да, не напрасно», – подумал Костя, глядя на его тяжёлые каменистые руки: «Я знаю, что у тебя погиб сын. Мне очень жаль, но здесь почти у всех кто-то погиб. И погиб и из детей

тоже... И у меня же тоже... У меня осталась только жена. Я не хочу...»

– Не сходи с ума. С твоей женой ничего не случится. Слушай... Я тебе сразу скажу. Я не хочу убивать этих двух дураков. Но я знаю, они подерутся снова, и мне придётся это сделать... Сила управлять другими не терпит исключений. Если они нарушат правило – они заплатят за это своими жизнями.

– Гави, они просто ещё молоды... не знают... Я говорил с ними... не понимаю, что у них такое.

– Они всё равно подерутся... – сказал Гора и подумал о том, о чём думал вчера ночью – Люди больше всего едины, когда защищают то, без чего им всем не выжить. Тогда они вместе. Тогда они могут только поддерживать друг друга.

Раздался грохот, и свет, носящийся в округе, замерцал и засуетился. И все понеслись в сектор добычи и забоя.

Потолки рядом с пластом удерживали где деревянные, а где стальные балки высотой в два с лишним метра. Одна из них рухнула, другая накренилась. Земля посыпалась всем на головы.

Сохраняя сдержанное крепкое лицо Гора вошёл в сектор. Уже четверо навалились на балку с одной стороны, трое с другой, и среди этих троих двое были теми самими недавно устроившими драку. Они стояли плечом к плечу, упираясь, что было сил. Кто-то подставлял рядом ещё одну. Часть держала ещё не свалившиеся, остальные смотрели за другим рядом опор. Две сомы скопились здесь полностью и две ча-

стично.

И свет мелькал, и земля сыпалась, но кричали, громогласно приказывая, только командиры. В этом и есть загадка стойкости шахтёров. Когда нет уверенности в возможности выжить, когда не хватает воздуха, и вокруг темно, срабатывает то, что сидит глубоко в душе у тех, кто «живёт» под землёй.

Срабатывает дисциплина. Все знают, что их командир опытен и мудр, что он прожил много лет, и всё ещё жив, а значит он чувствует землю Родную, с которой не расстанется. И, если хочешь выжить, то надо слушать его, чтобы ни случилось.

Срабатывает вера. В этом очень древний смысл, ведь «в окопах все верующие». Каждый верит, что всё получится, что удастся выстоять, а если и нет, то Слава Богу – отмучались и настало время отдохнуть в раю, покинув этот ад.

Срабатывает дух. Это сильный, вольный, шахтёрский дух. Он движет и руками и ногами, и глазам не даёт моргнуть от пыли. Он заедает в голове и говорит одно вседвижащее слово «Вперёд!».

Гора протиснулся между всеми и упёрся в самый центр балки. Надо было двинуть её вперёд почти на полметра, чтобы она, приняв вертикальное положение, встала на место.

В какой-то момент показалось, что всё рушится, что пора этой земле забрать полтысячи своих сыновей. Но нет – все как один, как единый порыв ветра, сносящий всё на своём

пути, как могучее море, захотевшее забрать себе островок вдали от большой суши, как долго спящий вулкан, извергающий лаву, как 8848 метровая гора, встающая на обе ноги. Это есть сила, и сама природа рада видеть своих детей, воодушевлённых ей.

Все двинулись вперёд, и двинулась балка, и улыбнулась природа, гордая за тех, кто не подводит её и выносит её испытания.

Рядом с Горой, запыхавшись, стоял Костя. От напряжения его лицо сильно перекосило, но сквозь прочее наружу выглядывало счастье. Голос тихий, но уверенный и довольный: «Теперь они не подерутся, дружище. Теперь они знают, что значит дружба».

И тут он вспомнил, что этой ночью Гора куда-то выходил из блока, а до этого приказал сменить посты на секторе добычи. Его не было несколько часов, и вернулся он каким-то запыхавшимся. А теперь его глаза выглядели какими-то особенными, словно никто не мог знать то, что сейчас знал он. Ни с чем нельзя спутать такой взгляд... Расчётливый, целеустремлённый, умный...

Гора слегка улыбнулся кончиками губы и, кивнув Косте головой, направился к выходу из сектора.

Маша

Прошло ещё полмесяца.

Сегодня Маша встала раньше деда с бабулей и присела на скамеечку у крыльца.

В округе всё зеленело, и Солнце вот-вот выглянуло. Подул лёгкий ветерок, и на мгновение показалось, что всё хорошо, и не о чем горевать, но так ладе не хотелось думать, потому что это не так.

Девушку опустила руку на живот, ощутив в нём то, что осталось от мужа. Она много раз думала, как назвать ребёнка, но к единому решению прийти не могли, ей хотелось, чтобы понравилось ему, Рафаилу.

«Если девочка, то Кристина. – подумала Маша. – Ему нравилось это имя. Но вот если мальчик... Он никогда не говорил мне, какие его любимые мужские имена. Вообще ничего не говорил, даже своём собственном. И что вот что с этим делать?»

Она закрыла глаза и вспомнила, как познакомилась с ним, как впервые увидела его взгляд, как вдохнула его запах. Тогда сердце билось как никогда раньше, а воздух казался не просто другим, а таким, какого ещё не было.

Вспомнила, как первый раз сказала ему «пока», улыбнулась и пошла к своей коме... Ощущение было таким, будто и Господь, и Богородица, и Иисус – все смотрят на неё, на её

реакцию и чувства. А она не хотела задумываться над этим, хотела только верить. Веришь, что Это – любовь, та, которая будет с ней до конца дней.

И первый раз, когда они поцеловались. «Хорошо, что он не видел моё лицо», – подумала Маша, ведь она тогда чувствовала, что покраснела и, поэтому сразу прижалась к нему, близко-близко. И это тепло, которое ходило по кругу, гремело как родное. Тогда она поняла, что вот оно, её счастье, оно пришло не подин раз, чтобы остаться на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.